

А.Л.Чернышев

Этнополитические конфликты в Мексике: аграрный и этнический факторы

В статье рассматриваются факторы этнополитических конфликтов в Мексике, являющихся неотъемлемой частью политического процесса, происходящего в стране. Социальные требования аграрного характера, обусловленные курсом на модернизацию сельскохозяйственного сектора и сворачиванием мер господдержки крестьянства, с 1970-х годов уступают место этнокультурной риторике, политизации этничности и апеллированию к праву на исконные земли. Данный тренд соответствует переменам в структуре политических возможностей, в том числе демократическому транзиту в Мексике и эволюции международного права, касающегося прав коренных народов и этнических меньшинств.

Ключевые слова: Мексика, национальная политика, этнополитические конфликты, политизация этничности, автономии.

DOI: 10.31857/S0044748X24020015

Статья поступила в редакцию 28.07.2023.

Этнополитические конфликты являются неотъемлемой частью мексиканского политического процесса, что, с одной стороны, отражает реалии сложного этнического состава населения страны, а с другой — структуру политических возможностей и поиск путей обеспечения плюрализма с последней четверти XX в. Среди стран латиноамериканского региона в Мексике насчитывается крупнейшее в абсолютных величинах индейское население — 23 млн человек [1, р. 1], при этом фактор этничности в последние десятилетия выходит из традиционно несистемного поля и все активнее влияет на большую политику. Об этом можно судить по постоянным законодательным инициативам, выдвигаемым властями в этой сфере с 1990-х годов, в том числе действующим правительством Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018—н/в), а также по росту влияния этнического фактора на электоральные процессы [2; 3]. Особым фактором продолжает оставаться внутренний вооруженный конфликт в штате Чьяпас, который в ряде иссле-

Алексей Львович Чернышев — независимый исследователь, Российская Федерация (chernyshev.latam@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4802-0233).

дований квалифицируется как знаковый кейс этнополитических конфликтов в Латинской Америке [4, p. 525]. С точки зрения вызовов безопасности с середины 2010-х годов показателен и феномен вооруженной самообороны в штате Мичоакан, где этническая составляющая также играет не последнюю роль [5, pp. 10, 64-65, 141].

О важности этнических акторов в Мексике свидетельствуют и постоянный интерес к данному вопросу со стороны экспертно-академического сообщества. Практически в каждой серьезной публикации с 2000-х годов, посвященной мексиканской политике, так или иначе затронута этническая проблематика. В качестве примеров можно привести работу испанского политолога Сальвадора Марти-и-Пуча, анализирующего политическую и социально-экономическую ситуацию в Мексике с 2000 по 2012 г. [6], и коллективное исследование «Мексика: парадоксы модернизации», опубликованное ИЛА РАН под редакцией известного российского латиноамериканиста В.М.Давыдова [7].

В данной статье будут рассмотрены ключевые факторы этнополитических конфликтов в Мексике, в частности, социально-экономический, в первую очередь — аграрный и этнический. В рамках исследования применяются следующие методы: системный, позволяющий анализировать феномен в рамках теории структуры политических возможностей; компаративный для анализа аграрных предпосылок роста протестной активности по штатам; наконец, контент-анализ деклараций организаций, который помогает выявить социальные и этнокультурные составляющие мобилизации. Для понимания рассматриваемого феномена целесообразно обратить внимание на подход мексиканского социолога, Специального докладчика ООН по правам коренных народов с 2001 по 2008 г. Родольфо Ставенхагена, который справедливо утверждал, что этнические конфликты по сути являются социальными, политическими и экономическими, а этничность играет в них роль символа мобилизации, определяет природу и динамику конфликта [8]. Мексиканский антрополог Хосе Эдуардо Сарате Эрнандес, в свою очередь, называет этничность разновидностью культурной идентичности, которую используют для придания смысла политическому действию [9, p. 116]. Этот подход разделяют и отечественные исследователи В.А.Тишков и Ю.П. Шабаев.

Исследователи выделяют десятки этнических конфликтов, происходящих на территории Мексики. Они затрагивают такие народы, как тараумара, отоми, михе, масауа, трики, миштеки, тохолабали, яки, сапотеки, уичоли и др. По данным мексиканского социолога Нативидад Гутьеррес, большинство таких конфликтов возникают вокруг проблем, связанных с защитой территорий и природных ресурсов [10, pp. 13-14; 11], что подтверждается и в отчетах ООН, а также в резолюциях Межамериканской комиссии по правам человека (*Comisión Interamericana de Derechos Humanos, CIDH*).

Задействование политического ресурса этничности в Мексике является относительно новым явлением, которое фиксируется с 1970-х годов. К симптомам политико-идеологического кризиса режима Институционально-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) относится появление целого ряда общественных организаций, которые, помимо традиционной классовой борьбы, апеллировали к этнокультурной идентично-

сти как фактору коллективных действий и, помимо социальных, выдвигали культурные и этнические требования. Для понимания тренда в контексте того периода следует принять во внимание, что, хотя индейские протесты, по сути, были частью крестьянской мобилизации национального масштаба, апеллирование к этничности по ряду признаков носило во многом неожиданный характер, имело далеко идущие последствия, указывало на принципиально новую структуру политических возможностей и новые риски для властей. Во-первых, феномен свидетельствовал о крахе задач индигенистской аграрной политики как одного из идеологических столпов режима *PRI*. Глубину и силу этого удара, нанесенного партии, сложно переоценить, если учесть, что крестьянско-индейские массы как бенефициары аграрной реформы были, по выражению мексиканского антрополога Артуро Уормана, «любимыми чадами режима» [12], одной из опор его легитимности. Во-вторых, помимо вызова непосредственно властям, этническое движение фактически оспаривало проект формирования национального государства на базе единой культуры путем ассимиляции этнически обособленных групп и их интеграции в доминирующее общество.

Дать точную периодизацию явления политизации этничности — непростая задача, учитывая недостаток источников, подчас размытый характер процесса, репрессии, снижавшие активность мобилизации. Интересно отметить, что в программной работе мексиканского социолога испанского происхождения Армандо Бартры (1977 г.), посвященной радикализации крестьянской борьбы в 1970-е годы, этнический аспект практически не упоминается [13]. В качестве основных требований автор выделяет социальные (перераспределение земельной собственности, регулирование цен на продукты, размер оплаты труда и т.п.) и расценивает мобилизацию как крестьянскую, классовую, в том числе применительно к муниципалитетам и регионам с высоким процентом индейского населения. При этом уже с начала 1980-х годов в академической литературе по теме очевиден дрейф от классовых подходов к межэтническим, в частности, в работах мексиканских исследователей Эктора Диаса-Поланко [14; 15], Хильберто Лопеса-и-Риваса [16], Андреса Медины Эрнандеса [17], Гильермо Бонфиля Батальи [18], Серхио Сармьенто Сильвы [19]. В рамках аграрных конфликтов наблюдался рост этнической риторики, они стремительно трансформировались в этнические, а индейские организации выделялись из крестьянского движения в самостоятельный тренд. Мексиканский антрополог Луиса Паре, к примеру, в работе 1985 г. акцентирует внимание на индейском составе 14 из 21 организации, входивших в крестьянский Национальный координационный центр Плана Аяяла (*Coordinadora Nacional Plan de Ayala, CNPA*) [20, p. 95].

Данные приведенной ниже таблицы не охватывают всей полноты описанного выше сложного явления, но все же позволяют оценить его лавинообразный характер, географию и охват этносов. К крупнейшим организациям этнического характера, созданным в период с 1970-х по 1990-е годы, можно отнести следующие: сапотекскую Рабоче-крестьянскую студенческую коалицию перешейка (*Coalición Obrero Campesina Estudiantil del Istmo, COCEI*); Организацию по защите природных ресурсов Сьерры-Хуарес (*Organización por la Defensa de los Recursos Naturales de la Sierra Juárez, ODRNASIJ*) сапотек и чинантеков; Комитет по защите природ-

ных, человеческих и культурных ресурсов михе (*Comité pro-Defensa de los Recursos Naturales, Humanos y Culturales Mixe, CODREMI*); Союз индейских общин севера перешейка (*Unión de Comunidades Indígenas de la Zona Norte del Istmo, UCIZONI*); Союз общинников им. Эмилиано Сапаты (*Unión de Comuneros Emiliano Zapata, UCEZ*) народа пурепеча; Движение единства и борьбы трики (*Movimiento de Unificación y Lucha Triqui, MULT*); союз тцелталей, тцотцилей, тохолабалей и чолей «Единство во имя силы» (*Quiptic Ta Lecubtesel, QTL*); Совет народов науа Альто-Бальсас (*Consejo de Pueblos Nahuas del Alto Balsas, CPNAB*); Коалицию коллективных эхидо долин яки и майо (*Coalición de Ejidos Colectivos de los Valles del Yaqui y Mayo, CECVYM*). В подтверждение важности тренда приведем оценку С.Сармьенто Сильвы, утверждавшего в работе 1987 г., что с конца 1970-х годов значительные усилия по защите своих интересов предприняли 27 из 56 этнических групп Мексики [19, p. 18].

**ЭТНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕКСИКИ,
СОЗДАННЫЕ С 1974 ПО 1996 г.**

Название организации	Этническая принадлежность	Штат, год создания	Основные требования
<i>Coalición Obrera, Campesina, Estudiantil del Istmo (COCEI)</i>	Сапотеки	Оахака, 1974	Реституция общинных земель, улучшение условий труда крестьян
<i>Quiptic Ta Lecubtesel (QTL)</i>	Тохолабали, тцелтали, тцотцили, чоли	Чьяпас, 1975	Аграрные требования, защита общинных земель
<i>Coalición de Ejidos Colectivos de los Valles del Yaqui y Mayo (CECVYM)</i>	Яки и майо	Сонора, 1977	Аграрные требования, улучшение жизненных условий крестьян, защита территорий от мегапроектов, автономия
<i>Alianza de los Pueblos del Valle de Matlatzinca (APVM)</i>	Матлатцинка	Мехико, 1978	Аграрные требования
<i>Comité Coordinador para la Defensa de los Recursos Naturales, Humanos y Culturales Mixe (CODREMI)</i>	Михе	Оахака, 1979	Защита земель и природных ресурсов, автономия
<i>UCEZ (Unión de Comuneros Emiliano Zapata)</i>	Пурепеча	Мичоакан, 1979	Защита интересов крестьян, реституция земель, этнические требования, автономия
<i>Organización Independiente de Pueblos Unidos de La Huasteca (OIPUH)</i>	Уастеки (тенек)	Идальго, Веракрус, Сан-Луис-Потоси, 1979	Защита общинных земель, прекращение насилия в отношении общин

<i>Asamblea de Autoridades Zapotecas y Chinantecas de la Sierra Norte de Oaxaca (AZACHIS)</i>	Сапотеки и чинантеки	Оахака, 1980	Улучшение условий жизни, уважение обычаев и традиций общин, автономия
<i>Organización por la Defensa de los Recursos Naturales de la Sierra Juárez (ODRENASIJ)</i>	Сапотеки и чинантеки	Оахака, 1980	Защита лесных и других природных ресурсов, автономия
<i>Movimiento de Unificación y Lucha Triqui (MULT)</i>	Трики	Оахака, 1981	Реституция общинных земель, защита лесов, автономия
<i>Unión de Comunidades Indígenas de la Región del Istmo (UCIRI)</i>	Михе, сапотеки	Оахака, 1982	Справедливые цены за продукцию, поддержка малых производителей, улучшение транспортной инфраструктуры
<i>Timocepanoke Noche Altepame Macehualme (TINAM)</i>	Науа	Веракрус, 1982	Защита земель и лесов, автономия
<i>Ejército Zapatista de Liberación Nacional (EZLN)</i>	Тцелтали, тцотцили, чоли, тохолабали, мам	Чьяпас, 1983	Социальные требования, реституция земель, признание права на культурные отличия, автономия
<i>Unión de Comunidades Indígenas de la Zona Norte del Istmo (UCIZONI)</i>	Михе, сапотеки, миштеки, соке	Оахака, 1985	Аграрные требования, защита интересов крестьян и прав индейских народов
<i>Frente Democrático Oriental de México Emiliano Zapata (FDOMEZ)</i>	Уастеки (тенек)	Идальго, 1986	Защита общинных земель, прекращение репрессий, этнические требования
<i>Servicios del Pueblo Mixe (SER)</i>	Михе	Оахака, 1988	Аграрные требования, автономия
<i>Frente Independiente de Pueblos Indios (FIPI)</i>	Мультиэтнический союз индейских народов	Мичоакан, 1988	Защита территорий и природных ресурсов, автономия
<i>Unión de Comunidades Productoras Forestales Zapotecos-Chinantecos de la Sierra Juárez (UZACHI)</i>	Сапотеки, чинантеки	Оахака, 1989	Защита территорий, лесных и других природных ресурсов, автономия
<i>Coordinadora de la Lucha de Pueblos Mayas para su Liberación (COLPUMALI)</i>	Майя	Чьяпас, 1990	Защита территорий, автономия
<i>Unión de Organizaciones de la Sierra Juárez de Oaxaca (UNOSJO)</i>	Сапотеки	Оахака, 1990	Защита прав индейских народов и природных ресурсов
<i>Consejo de Pueblos Nahuas del Alto Balsas (CPNAB)</i>	Науа	Герреро, 1990	Защита территорий от мегапроектов, автономия

<i>Consejo de la Nacionalidad Otomí (CONAO)</i>	Отоми	Мехико, Мичоакан, Веракрус, Идальго, Пуэбла, 1990	Защита территорий и культуры, автономия
<i>Frente Independiente de Comunidades Indígenas de Michoacán (FICIM)</i>	Пурепеча	Мичоакан, 1991	Защита общинных земель, признание прав индейских народов
<i>Consejo Guerrerense 500 Años de Resistencia Indígena, Negra y Popular (CG500A)</i>	Науа	Герреро, 1991	Признание прав индейских народов на свободное самоопределение и автономию
<i>Organización Nación Purépecha (ONP)</i>	Пурепеча	Мичоакан, 1992	Аграрные требования, признание прав индейских народов, автономия
<i>Organización de los Pueblos Indígenas Mepha'a (OPIM)</i>	Тлапанеки	Герреро, 1994	Защита общинных территорий, прекращение репрессий
<i>Organización Independiente de Pueblos Mixtecos y Tlapanecos (OIPMT)</i>	Миштеки, тлапанеки	Герреро, 1994	Защита общинных территорий, уважение прав индейских народов, прекращение репрессий
<i>Coordinadora de Organizaciones Campesinas e Indígenas de la Huasteca Potosina (COCIHP)</i>	Науа, уастеки	Сан-Луис-Потоси, 1994	Защита территорий и природных ресурсов, автономия
<i>Organización Nación Purépecha Zapatista (ONPZ)</i>	Пурепеча	Мичоакан, 1996	Признание прав общин на территории, свободное самоопределение и автономию

Источник: составлено автором по различным источникам [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29].

Как видно из данных, содержащихся в таблице, среди организаций представлены моноэтнические, двух- и даже мультиэтнические альянсы, охватывающие как крупные и относительно крупные народы, такие, как науа (по данным 1990 г., число говорящих на науа в Мексике составило почти 1,2 млн человек [30]), майя (713 тыс.), сапотеки (403,5 тыс.), миштеки (386,9 тыс.) [31, р. 7], пурепеча (104 тыс.) [32, р. 11] или михе (95,3 тыс.), так и меньшие группы, например, трики (15 тыс. человек) [31, р. 7]. Значительное число организаций приходится на южные и юго-западные штаты — Оахаку, Чьяпас и Герреро, в которых, с одной стороны, в рассматриваемый период фиксируется довольно высокий процент индейского населения, а с другой — самые низкие по стране показатели развития человеческого потенциала. Если в Федеральном округе, Нуэво-Леоне и Нижней Калифорнии показатели неграмотности среди граждан старше 15 лет составляли в 1970 г. 10%, 12% и 12,7% соответственно, а в среднем по стране — 25,8%, то в Чьяпасе, Оахаке и Герреро — 45,4%, 45,7% и 48,1%, соответственно [33, р. 52]. Средний по стране индекс маргинальности,

применяемый в Мексике для оценки социальной исключенности, в 1990 г. составил 31%, тогда как в Герреро — 48,6%, в Оахаке — 51,8%, в Чьяпасе — 53,7% [33, р. 31].

АГРАРНЫЙ АСПЕКТ

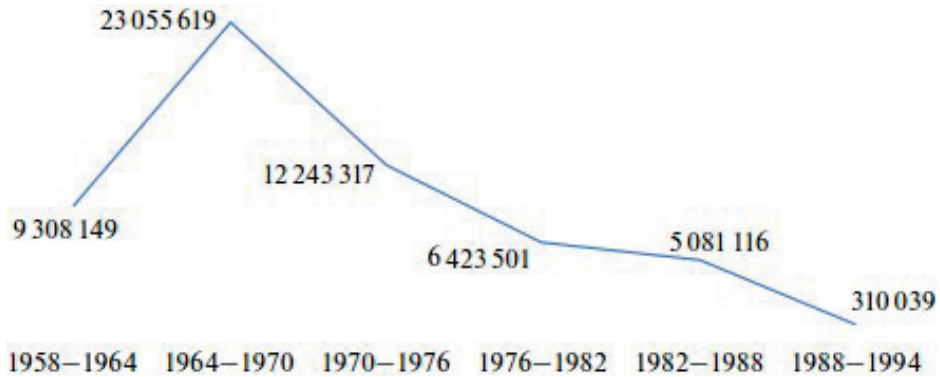
В 1980 г. в штатах Оахака, Идальго, Чьяпас, Герреро, Мичоакан зафиксированы самые высокие показатели удельного веса сельского населения: 68%, 67,3%, 66,3%, 58%, 47%, соответственно. Для сравнения: в Чиуауа — 28,5%, Халиско — 24,4%, Тамаулипасе — 25%, а в среднем по стране — 33,7% [34]. В 1970 г. только на Оахаку и Герреро приходилось более 40% от общего числа аграрных индейских общин Мексики [35, р. 3]. Под этим термином в переписи эхидо 1970 г. понимались поселения с преимущественно индейским населением, которые до принятия Аграрного закона от 6 января 1915 г. владели землями, лесными и водными ресурсами и де-юре или де-факто придерживались общинных форм самоорганизации.

Из данных, приведенных в таблице 1, следует, что основные требования организаций, в первую очередь, связаны с аграрными притязаниями, защитой прав на водные, лесные и другие природные ресурсы, а также общинных территорий от негативных последствий инфраструктурных проектов. К показательным примерам относятся движение сапотекских общин Оахаки под руководством *ODRENASIJ* в защиту лесов с 1980 г., опыт пурепеча по защите озера Паццуаро с 1982 г., протесты *CPNAB* против проекта ГЭС Сан-Хуан-Тетелсинго в штате Герреро с 1990 г., борьбу *CECVYM* за земли этнической группы яки и против проектов ГЭС, народа майо против проекта ГЭС им. Луиса Дональдо Колосио с 1990-х годов. Защита территорий и природных ресурсов — требование, постоянно выдвигаемое в декларациях индейских организаций, в частности, в Темоайской декларации 1979 г. [36, pp. 6-7], Тлауитолтепекской декларации 1995 г. [37, pp. 125-126], Уитесской декларации 1996 г. [38] и др.

Рост протестных настроений объясняется курсом властей на модернизацию и дерегулирование сельскохозяйственного сектора и формированием в те годы нормативно-правовой базы по отчуждению общинных земель. В связи с этим мексиканский антрополог Иви Хакаранда Хассо Мартинес и Л. Паре определяют правительства Хосе Лопеса Портильо (1976—1982 гг.) и Мигеля де Ла Мадрида (1982—1988 гг.) как «антикрестьянские» [28, р. 65; 39, р. 95]. Мексиканский экономист Бланка Рубио, в свою очередь, утверждает, что принятые в период правления последнего меры, предусматривавшие возможность ассоциации между эхидо и частным бизнесом, хотя потенциально и могли улучшить условия жизни крестьян, но при этом «безвозвратно превращали их в пролетариев на собственной земле» [40, р. 87].

С начала 1970-х наблюдался последовательный спад темпов выделения земельных участков в рамках аграрной реформы: после шестилетки 1964—1970 г., когда безземельным крестьянам были переданы более 23 млн га, в 1970—1976 г. показатели сократились до 12,2 млн га, в 1976—1982 г. — почти вдвое до 6,4 млн, в 1982—1988 г. — до 5 млн, а в 1988—1994 г. — и вовсе до 310 тыс. га (см рис. 1).

Рис. 1. ТЕМПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ДОТАЦИЙ В ВИДЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РАМКАХ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ (1958—1994 гг., га)

Источник: Lugo H. et al. Modernización del sector agropecuario mexicano. México: IPE, 1990, p. 21. Цит. по: Zamosc L., Martínez Borrego E., Chiriboga M. (coord.). Estructuras agrarias y movimientos campesinos en América Latina (1950—1990). Madrid: Ministerio de Medio Ambiente y Medio Rural y Marino, 1996, 374 p., p. 203.

Рис. 2. КОЛИЧЕСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ АКЦИЙ ПРОТЕСТА (1976—1982 гг.)

Источник: Aguado López E., Torres Franco J.L., Scherer Ibarra G. La lucha por la tierra en México (1976-1982). *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, 1983, N 113-114, pp. 50-51.

Следует подчеркнуть, что мобилизация крестьян представляется вполне логичным следствием сворачивания аграрной реформы и ликвидации государственных гарантий в отношении общинных земель; а оба этих фактора

долгое время были залогом некоей стабильности на селе. Динамика распределения земель обратно пропорциональна росту протестных настроений среди крестьян после 1977 г. (см. рис. 2). Спад протестной активности с 1976 по 1977 г. укладывается в контекст ужесточения репрессий с задействованием полиции и армии. В то же время, как показывает опыт, о чем пишут авторы ряда исследований, репрессии властей становятся триггерами радикализации коллективных действий. Так, резолюция 1986 г., принятая по итогам встречи независимых индейских организаций в штате Оахака, содержит призыв к индейским общинам страны «усилить самоорганизацию на локальном уровне, чтобы должным образом ответить на репрессии» [41, р. 134].

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Территориальные претензии, помимо собственно аграрного аспекта, квалифицируются учеными и как элемент этнополитических конфликтов, если учесть символическую связь индейских народов с землями традиционного расселения, или «этнотерриториями», как их называет социолог Алисия Барабас [42; 43]. В этом смысле показательно, что индейские организации с конца 1970-х годов апеллируют не только к праву собственности на сельскохозяйственные земли, но и к праву на свободное самоопределение в рамках мексиканской нации и, соответственно, на исконные территории. Х.Э. Сарате справедливо отмечает, что в те годы на смену межклассовым подходам в переговорах этнических акторов с государством приходят межэтнические [44, р. 6].

Отмеченный выше тренд сопровождается активной работой организаций по реконструированию элементов этнической идентичности — таких символов, как флаги, носящие не только политический, но и культурный характер, ритуалы, языки и т.п. В этом смысле интересен опыт пурепеча. В 1980 г. был утвержден четырехцветный флаг этой нации, символизирующий единство четырех регионов ее расселения, с изображением «большого огня» (куракавери), наконецника стрелы из священного обсидиана и девизом «Наша сила» на языке пурепеча (см. рис. 3). Флаг народа михе также символичен и содержит изображение мифического героя нации Кондоя с пятью стрелами, олицетворяющими пять веков индейского сопротивления (см. рис. 4). Флаг яки интересен синкретизмом: сочетанием образов божеств Солнца и Луны, а также звезд — духов предков с крестом, напоминающим о новой католической религии народа как части их современной идентичности (см. рис. 5) [45].

В рамках политической активности пурепеча с 1980-х годов, или «восстания пурепеча», как ее называют ряд авторов [46; 47, р. 231], изначально выдвинутые требования аграрного характера сменились на этнические. В целях легитимизации борьбы использовались такие символы, как флаг, девизы пурепеча; с 1983 г. восстановлена традиция празднования в начале февраля нового года пурепеча, воспроизводящего доиспанскую церемонию «нового огня»; во время празднований проводятся соревнования по древней игре в пелоту, звучат песни и поэзия на языке этого народа [48, р. 231].

Рис. 3. Флаг пурепеча

Рис. 4. Флаг михе

Рис. 5. Флаг яки

Сапотекскую организацию *COCEI* зачастую относят к марксистским, в том числе в отечественной латиноамериканистике [49, с. 908], что справедливо в свете изначально выдвинутых партией задач по защите крестьян, пострадавших от политики модернизации села. Однако такие исследователи, как, например, А. Бартра и профессор Университета Саймона Фрейзера (г. Ванкувер) Херардо Отеро, а также швейцарский политолог Штефан Шойцгер относят *COCEI* к успешным кейсам политизации этничности, а

американский антрополог Ховард Кэмпбелл определяет ее как «этнически осознанное политическое и культурное движение сапотек» [50, p. 78]. Активисты *COCEI* с 1970-х использовали в кампаниях и на митингах этнические символы, музыку, традиционные наряды, еду и напитки, элементы организационной структуры, основанной на родственных отношениях и практике взаимопомощи, сапотекский язык. Этническая гордость сапотек, в том числе опирающаяся на миф об их происхождении как «людей с облаков» (*binnizá*), сошедших на Землю с небес, является ключевым мотивом в творчестве сапотекских интеллектуалов, художников, музыкантов, которые превозносят в произведениях величие народа и справедливость его политических притязаний.

Схожие примеры воссоздания этнической идентичности мы наблюдаем у михе, в конце 1970-х создавших в общине Тлауитолтепек Центр музыкального образования и развития культуры михе и школу «Солнце горы». Подобные примеры можно отметить у яки с их усилиями по укреплению этнической и языковой идентичности, исторической памяти с опорой на священный статус исконных земель и церемониальных центров, на практику коллективного принятия решений и традиционные институты власти де-факто [51, p. 167; 52, pp. 79-80].

Рассмотренные эпизоды этногенеза, очевидно, соответствуют конструктивистскому подходу к анализу этничности, согласно которому, как утверждают российские этнологи В.А.Тишков и Ю.П.Шабаев, порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство является интеллектуальным конструктом, сознательно создаваемым писателями, учеными и политиками; при этом особое внимание уделяется роли сознания и языка как основного символа, вокруг которого формируется понимание этнических отличий [53, с. 40]. В этом контексте антрополог Мэри О'Коннор, к примеру, указывает на ситуационный характер этничности яки, который позволяет им «менять» идентичность в зависимости от контекста [54, pp. 4, 55, 67], а аргентинский антрополог Мигель Анхель Бартоломе отмечает важнейшее значение языка яки на переговорах с государственными должностными лицами [55, p. 80].

Примечательно, что тренд политизации этничности и в целом феномен этнического движения в Мексике резко контрастируют с картиной предшествующих лет, когда для индейского населения были характерны социальная апатия, культурная депривация, философия бедности и покорности, которую мексиканский этнолог Альфонсо Фабила определяет как особый менталитет и систему ценностей дискриминируемой группы, выражающиеся в неверии в возможность улучшить свое положение и фаталистическом принятии своей участи [56, p. 150].

Следует признать, что, если аграрная мобилизация укладывается в контекст дерегулирования сельхозсектора с его негативными последствиями для крестьянства, то анализ «взрыва» этничности представляет собой более сложный методологический вызов для исследований, отвечает комбинации факторов, включающих экономические, внутривнутриполитические, а также международно-правовые аспекты.

Ряд авторитетных авторов связывают меры деэтнической направленности, например, по сокращению госрегулирования в той или иной сфере

общественных отношений, с такими последствиями, как рост партикуляристских настроений, утрата макрополитического смысла нации в глазах локальных субкультур, в том числе этнически обособленных групп. Эту взаимосвязь отмечает, в частности, испанский социолог Мануэль Кастельс, указывающий на то, что на фоне сворачивания этатизма с последней четверти XX в. многочисленные мощные проявления коллективной идентичности бросают вызов глобализации, в том числе во имя культурной самобытности и этничности [57, р. 24]. Бразильский социолог Э. Жагуарибе связывал исчезновение макрополитического смысла нации на фоне глобализации с растущей значимостью региональных субкультур [58, pp. 38-39]. Джон Томлинсон также отмечает, что идентичность — не жертва глобализации, но растущая мощь местных культур, которые подчас неорганизованно и политически реакционно оказывают сопротивление центробежным силам капиталистической глобализации [59, р. 270]. В отечественной политологии эту связь прослеживает историк С.Г.Кара-Мурза [60].

Анализ внутриполитического контекста с 1970-х годов позволяет выделить в качестве факторов взрыва этничности и такие перемены в структуре политических возможностей, открывавшие новые возможности для самоорганизации и протеста, как демократический транзит в Мексике, растущий плюрализм, череда электоральных реформ (с 1977 г.). К последствиям таких реформ относится победа *COCEI* на муниципальных выборах 1981 г. в г. Хучитан; успешный альянс этнических организаций штата Мичоакан с Национальным демократическим фронтом (*Frente Democrático Nacional, FDN*) на выборах 1988 г. и др. Феномен этнического движения в Мексике следует рассматривать и сквозь призму международного контекста. Многие индейские организации страны с 1990-х годов апеллируют к международному праву, существенно эволюционировавшему с 1960-х годов в части коллективных этнических прав, и в частности, к Конвенции № 169 Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, от 1989 г. [37, р. 127; 38; 63; 64, pp. 26, 34].

В заключение отметим, что в Мексике имеется довольно богатый материал для изучения феномена этнических конфликтов. С одной стороны, этот феномен соответствует традиционной типологии социальных движений, с другой — является примером задействия в состязательной политике этнического компонента; при этом в данном тренде очевиден конструктивистский подход к воссозданию и утверждению этнокультурной идентичности. Сценарий реализуется в контексте как внутренних, так и внешних факторов: курс властей на сопряженную с рисками для крестьянства модернизацию сельскохозяйственного сектора, а также демократический транзит в Мексике и эволюция международного законодательства, открывающая новые возможности для этнических акторов, в частности, предусматривающая право собственности на земли традиционного расселения, а также право на самоуправление. Перспективы конституционного признания этнических автономий и других прав коренных народов в Мексике являются одной из центральных тем в повестке правящего Движения национального возрождения (*Movimiento de Regeneración Nacional, MORENA*) и в значительной степени определяются по результатам общенациональных выборов 2024 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. INEGI. Estadísticas a propósito del Día de los Pueblos Indígenas. Comunicado de prensa N 430/22, 08.VIII.2022, 7 p.
2. Sonnleitner W. Participación, representación e inclusión política: ¿existe un voto indígena en México? *Política y Gobierno*, Ciudad de México, 2020, Vol. 27, N 2.
3. Márquez Romo C., Martínez Hernández A.A. El clivaje étnico en México: elecciones presidenciales de 2018. *Apuntes Electorales*, 2022, N 67, pp. 101-136.
4. Landis D., Albert R.D. (Eds.). *Handbook of Ethnic Conflicts: International Perspectives*. New York: Springer, 2012, 686 p.
5. Informe Especial sobre los grupos de autodefensa en el Estado de Michoacán y las violaciones a los Derechos Humanos relacionados con el conflicto. CNDH. Available at: https://www.cndh.org.mx/sites/default/files/doc/Informes/Especiales/2016_IE_gruposautodefensa.pdf (accessed: 04.09.2023).
6. Martí i Puig S. (ed.). *¿Adónde chingados va México? Un análisis político y socioeconómico de dos sexenios (2000-2012)*. Madrid: Los Libros de la Catarata, 2012, 334 p.
7. Давыдов В.М. (отв. ред.). Мексика: парадоксы модернизации. М.: ИЛА РАН, 2013, 330 с. [Davydov V.M. (otv. red.). *Meksika: paradoksy modernizacii* [Mexico: The Modernization Paradoxes]. Moscow: ILA RAN, 2013, 330 p. (In Russ.).
8. Stavenhagen R. Ethnic Conflict and Human Rights. Their Interrelationship. *Bulletin of Peace Proposals*. Oslo: Oslo International Peace Research Institute Norwegian University Press, 1987, Vol. 18, N 4, pp. 507-514.
9. Zárate Hernández J.E. Los señores de utopía: etnicidad política en una comunidad purhépecha: Santa Fe de la Laguna-Ueamuo. Zamora: El Colegio de Michoacán A.C., 2001, 329 p.
10. Gutiérrez Chong N. (coord.). *Etnicidad y conflicto en las Américas*. Vol. I: Territorios y reconocimiento constitucional. México: UNAM, 2013, 368 p.
11. Gutiérrez Chong N. (coord.). *Conflictos étnicos y etnonacionalismos en las Américas*. Reportes de Investigación. Quito: Ediciones Abya-Yala, 2009, 366 p.
12. Warman A. Los campesinos. Hijos predilectos del régimen. México D.F.: Editorial Nuestro Tiempo, 1972, 138 p.
13. Bartra A. Seis años de lucha campesina. *Investigación Económica*, México D.F.: Facultad de Economía, UNAM, 1977, N 3, pp. 157-209.
14. Díaz-Polanco H. Etnia, clase y cuestión nacional. *Cuadernos Políticos*, N 30, México D.F.: Editorial Era, 1981, pp. 53-65.
15. Díaz-Polanco H. Lo nacional y lo étnico en México. El misterio de los proyectos. *Cuadernos Políticos*, N 52, México D.F.: Editorial Era, 1987, p. 32-42.
16. Guerrero J., López y Rivas G. Las minorías étnicas como categoría política de la cuestión regional. *Boletín de Antropología Americana*, México D.F.: Instituto Panamericano de Geografía e Historia, 1982, N 5, pp. 35-49.
17. Medina Hernández A. Los grupos étnicos y los sistemas tradicionales de poder en México. *Nueva Antropología*, 1983, N 20, pp. 5-29.
18. Bonfil Batalla, G. México Profundo. Una civilización negada. México: FCE, 2019, 245 p.
19. Mejía Piñeros M.C., Sarmiento Silva S. La lucha indígena: un reto a la ortodoxia. México: Siglo XXI, 1987, 292 p.
20. Paré L. Movimiento campesino y política agraria en México, 1976-1982. *Revista Mexicana de Sociología*, Vol. 47, N 4, México D.F.: UNAM, 1985, pp. 85-111.
21. Acosta Márquez E. Zapotecos del Istmo de Tehuantepec. México: CDI, 2007, 55 p.
22. Weinberg B. *Homage to Chiapas: The New Indigenous Struggles in Mexico*. London, New York: Verso, 2000, 456 p.
23. Cal y Mayor A.B., Villa Rivera W., Ortiz-T. P., Chirif A., García P., Albó X. *Movimientos indígenas en América Latina. Resistencia y nuevos modelos de integración*. Copenhague: IWGIA, 2011, 170 p.
24. FDOMEZ: 30 años de lucha por la tierra y su defensa. FDOMEZ-FNLS, 2008, 248 p. Available at: <https://fnls.mayfirst.org/IMG/pdf/fdomez.pdf> (accessed 12.05.2023).
25. Aguilar Sánchez M.G. (coord.). *Resistencia y protesta social en el sureste de México*. Ciudad de México: Universidad Autónoma Metropolitana-Azcapotzalco, 2016, 336 p.
26. Gordillo G. *Campesinos al asalto del cielo: una reforma agraria con autonomía*. México D.F.: Siglo XXI, 1988, 282 p.

27. Rosa Quiñones I., de la. Movilizaciones indígenas en la Huasteca Potosina: de la resistencia latente a la estrategia política. En: Soriano S. (ed.). *Imágenes, representaciones y movilizaciones indígenas en Latinoamérica*. Ciudad de México: Universidad Nacional Autónoma de México, 2021, pp. 43-68.
28. Jasso Martínez I.J. Las demandas de las organizaciones purépechas y el movimiento indígena en Michoacán. *Revista LuminaR. Estudios sociales y humanísticos*, San Cristóbal de Las Casas, 2010, Vol. 8, N 1, pp. 64-79.
29. Ruiz M. El Frente Independiente de Pueblos Indios. *Revista Mexicana de Sociología*, Vol. 56, N 2, 1994, México D.F.: UNAM, pp. 117-132.
30. INEGI. Perfil sociodemográfico de la población hablante de náhuatl. XII Censo General de Población y Vivienda 2000. Aguascalientes, 2005, 9 p.
31. INEGI. Oaxaca: Hablantes de Lengua Indígena. Perfil sociodemográfico. Aguascalientes, 1995, 42 p.
32. INEGI. La Población de México. Estado de Michoacán. Aguascalientes, 1993.
33. CONAPO. Índice absoluto de marginación, 1990-2000, México D.F., 2004, 75 p.
34. Población rural y urbana (número de habitantes). Available at: https://apps1.semarnat.gob.mx:8443/dgeia/compendio_2017/archivos/04_demografia/D1_DEMO_GRAF01_02_D.pdf (accessed 01.06.2023).
35. V Censo Ejidal 1970. Directorio de Ejidos y de Comunidades Agrarias. México: Secretaría de Industria y Comercio, 1972, 89 p.
36. Declaración de Temoaya, 1979. IWGIA Newsletter, Copenhagen: IWGIA, 1979, N 23, 31 p.
37. Declaración de Tlahuitoltepec sobre los Derechos Fundamentales de las Naciones, Nacionalidades y Pueblos Indígenas de Indolatinoamérica. Ístmica. *Revista De La Facultad De Filosofía y Letras*, Heredia, 1995, N 2, pp. 124-128.
38. Declaración de Huites. Tribunal Permanente de los Pueblos. La construcción de presas en México. Temacapulín, 2012. Available at: <http://docencia.uaeh.edu.mx/estudios-pertinencia/docs/hidalgo-municipios/Zimapan-Afectacion-De-La-Construccion-De-La-Presa...pdf> (accessed 02.07.2023).
39. Paré L. Movimiento campesino y política agraria en México, 1976-1982. *Revista Mexicana de Sociología*, México D.F.: UNAM, 1985, N 4, pp. 85-111.
40. Rubio B. Resistencia campesina y explotación rural en México. Ciudad de México: Ediciones Era, 1987, 195 p.
41. Barre M.-C. Ideologías indigenistas y movimientos indios. México: Siglo XXI, 1983, 248 p.
42. Barabas A. La construcción de etnoterritorios en las culturas indígenas de Oaxaca. *Desacatos*, 2004, N 14, pp. 145-168.
43. Barabas A. La territorialidad simbólica y los derechos territoriales indígenas: reflexiones para el Estado pluriétnico. *Alteridades*, 2004, N 14 (27), pp. 105-119.
44. Zárate Hernández J.E. Las comunidades indígenas: un movimiento social emergente. XXVI Congreso de Asociación Latinoamericana de Antropología, Guadalajara, 2007. Available at: <https://cdsa.academica.org/000-066/1696.pdf> (accessed 31.10.2022)
45. Melquiades Bejipone C. Nooki reuri yoem nokpo: préstamos lingüísticos en la lengua yaqui. Tesis doctoral. Hermosillo: Universidad de Sonora, 2011, 126 p.
46. Pérez Ramírez T. Memoria histórica de la insurrección cívica purépecha en 1988. *Política y Cultura*, 2009, N 31, pp. 113-138.
47. Jasso Martínez I.J. Las demandas agrarias en el discurso de las organizaciones purépechas de Michoacán: problemas sin resolver. *Ra Ximhai*, 2010, N 2, pp. 229-241.
48. Dietz G. ¿Hacia una nación Puhépecha? Génesis de un movimiento indígena en Michoacán, México. México: UNAM, 2017, 638 p.
49. Хейфец В.Л. (отв. ред.). Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы. М.: Издательство «Весь Мир», 2021, 968 с. [Jeifets V.L. (otv. red.). Komintern v Latinskoj Amerike: istoricheskie tradicii i politicheskie processy [Comintern: The Historical Traditions and Political Processes]. Moscow, Ves' Mir, 2021, 968 p. (In Russ.).]
50. Campbell H. Mexican Memoir: A Personal Account of Anthropology and Radical Politics in Oaxaca. Westport: Praeger, 2001, 168 p.
51. Bartolomé M.A. Gente de costumbre y gente de razón. Las identidades étnicas en México. México: Siglo XXI/INI, 1997, 214 p.

52. Moctezuma Zamarrón J.L., López Aceves H.E. Conformaciones identitarias de los yaquis y los mayos. En: Bartolomé M.A. (coord.). *Visiones de la diversidad. Relaciones interétnicas e identidades indígenas en el México actual*. México: INAH, 2005, Vol. I, pp. 61-86.

53. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2019, 416 с. [Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. Etnopolitologija: politicheskie funkicii etnichnosti [The Ethnopolitology: The Political Functions of Ethnicity]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019, 412 p.

54. O'Connor M.I. Descendants of Totoliguuqui. Ethnicity and Economics in the Mayo Valley. Berkeley/Los Angeles: University of California Press, 1989, 143 p.

55. Bartolomé M.A. (coord.). *Visiones de la diversidad. Relaciones interétnicas e identidades indígenas en el México actual*. Vol. I, México D.F.: INAH, 2005, 360 p.

56. Fabila A. Las tribus yaquis de Sonora: su cultura y anhelada autodeterminación. México: Departamento de asuntos indígenas, 1940, 313 p.

57. Castells M. La era de la información. Economía, sociedad y cultura. Vol. II. El poder de la identidad. México: Siglo XXI, 2001, 495 p.

58. Jaguaribe H. Hegemonía céntrica y autonomía periférica. Hill E., Tomassini L. (ed.). *América Latina y el Nuevo Orden Económico Internacional*. Santiago de Chile: Corporación de Promoción Universitaria, 1979, 307 p.

59. Tomlinson J. Globalization and Cultural Identity. In: Held D. (Ed.). *The Global Transformations Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. Cambridge: Polity, 2003, pp. 269-277.

60. Кара-Мурза С. Демонтаж народа. Учебник межнациональных отношений. М.: Алгоритм, 2015, 704 с. [Kara-Murza S. Demontazh naroda. Uchebnik mezhnacional'nyh otnoshenij [Dismantling of a Nation. A guide of Inter-Ethnic Relations] Moscow: Algoritm, 2015, 704 p. (In Russ.).

61. Tarrow S. El poder en movimiento: los movimientos sociales, la acción colectiva y la política. Madrid: Alianza, 1997, 369 p.

62. Jasso Martínez I.J. Los movimientos indígenas, un marco para el análisis de las construcciones identitarias. La Organización Nación Purhépecha (Michoacán) y Servicios del Pueblo Mixe (Oaxaca). Tesis. Zamora, 2008, 412 p.

63. Victoriano Mateo A. Juchari Juramukua (Nuestra Autonomía). Cuadernillo, Cherán: ONP, 1997, 21 p.

64. Los Acuerdos de San Andrés. Edición bilingüe español – tsotsil. Tuxtla Gutiérrez: Consejo Estatal para la Cultura y las Artes de Chiapas, 2003, 201 p.

Alexey L.Chernyshev (chernyshev.latam@gmail.com)

Independent researcher, Russian Federation

The ethnopolitical conflicts in Mexico: the agrarian and the ethnic factors

Abstract. The article dwells on the factors of the ethnic conflicts in Mexico as an important element of the political process in the country. The social agrarian claims attributable to the agriculture modernization policy and cutting of the peasantry public supporting measures, gave place to the escalating ethnic rhetoric, politicization of ethnicity and appealing to the ancestral lands rights since the 1970s. The trend is contextualized by the changes in the political opportunities structure, including the democratic transition in Mexico and the evolution of the native peoples and ethnic minorities international legislation.

Key words: Mexico, nationalities policy, ethnic conflicts, politicization of ethnicity, autonomies.

DOI: 10.31857/S0044748X24020015

Received 28.07.2023.